

СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕННИЕ КРЕПОСТИ АВТОБИОГРАФИЯ

РОЖДЕНИЕ.....	7
ПАПА.....	10
ТЕГЕРАН.....	16
ТРУСКАВЕЦ.....	20
ДЕТСТВО	23
ШКОЛА.....	26
РУСЛАНБЕК	29
ПИОНЕРЛАГЕРЬ	30
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ДРУЖИНЫ.....	32
ЖЁНЫ И НЕВЕСТЫ	34
САХАЛИН	37
ФАМИЛИЯ	39
МОЯ ВЕРА	40
МОЯ ПАРТИЯ.....	47
МОЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	49
МОИ ГОРОДА.....	51
МОИ ИЗДАТЕЛИ	53
ХРОНОЛОГИЯ.....	55
МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ	57

СЕРЕБРЯНЫЙ КОДЕКС СТИХИ

К ИНДРЕ («Прощай, убийца с прекрасным ликом!..»)	61
«Никто ни в чём не виноват...»	62

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ.....	191
ЖИЗНЬ НА КАПРИ	205
ЗЕРКАЛО АТМЫ.....	235
БРАТ ПРОМОУТЕР	247
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ	257
ГРЕХ.....	281
СМЕРТЬ МЕРЧЕНДАЙЗЕРА.....	303

ИЗ КНИГИ
«ГОТСКИЕ ПИСЬМА»

ЖАБЫ И ГАДЮКИ.....	311
ВОЛЧЬЕ БРЮХО И СЫН ВОЗНИЦЫ	360
ТЕНЬ ИМПЕРАТРИЦЫ.....	373
ТРАСТАМАРА	380

ИЗ КНИГИ
«ГИБЕЛЬ АЛЕКСАНДРИИ»

ГИБЕЛЬ АЛЕКСАНДРИИ	395
КОШКИН	410
ПОСЛЕ БОЯ	431
АСЫ И ВАНЫ	437
ЗАКАТ	446
НИЧЕГО ОСОБЕННОГО.....	453

НЕИЗДАННОЕ

НЕ ДОИГРАЛИ В БАДМИНТОН	461
ВРЕМЯ ЖИЗНИ РОЗОВЫХ СЛОНОВ.....	467

«В мои годы Аркадий Голиков...»	63
«В ручейке бежит вода...»	64
«Смутная ночь. Выхожу на балкон...»	65
«В Казани сон намазан мёдом...»	66
«Если долго не включать телевизор...»	67
КРЫМ («Каждый человек ищет свои антидепрессанты...»).....	70
СЕРБЫ («Вот и дожили мы с тобою, папа, до новой весны...»)	72
«Господи! Почему же я у Тебя такое говно?..».....	74
«Когда-нибудь закончится зима...»	75
«Зимой все машины в Санкт-Петербурге одинаково серые...»	76
БУНДЕСТАГ («Юноша из Уренгоя...»).....	78
ПОЛЯ ОДУВАНЧИКОВ («в сущности жизнь всегда была штукой мерзкой...»).....	80
«влажные салфетки...»	82
«Уже отринуты оковы...»	83
«Леди Годива едет обнажённая по улицам Ковентри...»	84
ЗВЕРИ («Однажды дикие звери сожрут дрессировщиков...»).....	86
«Сидя на кровавом холме...»	88
«мы не оставим дневников...»	92
«Грустный дождик грустно каплет в грустное окно...»	93
TELEGRAM («Заблокируй меня нежно...»).....	94
НИКОТИНА-УПАНИШАДА («И вот никотин попадает в кровь...»).....	96
«каждый писатель всегда пишет книгу одну и ту же...».....	98

ИЗ КНИГИ
«Я — ЧЕЧЕНЕЦ!»

КОГДА ПРОСНУЛИСЬ ТАНКИ.....	101
СУМАСШЕДШАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ	145
ПИОНЕРВОЖАТЫЙ	154
ДЕНЬ ПОБЕДЫ.....	160

ИЗ КНИГИ
«ЗЕРКАЛО АТМЫ»

МОРОЗОВЫ	167
КОЛОСКИ	179

ОСЕННИЕ КРЕПОСТИ

АВТОБИОГРАФИЯ

РОЖДЕНИЕ

Я родился 18 февраля 1973 года в селе Шали Шалинского района Чечено-Ингушской АССР, которая входила в РСФСР, которая была главной республикой великого Советского Союза. Было воскресенье. Моя мама успела с утра сходить на рынок. Где-то в полдень у неё начались схватки, и её отвезли в родильный дом Шалинской районной больницы. Там я и появился на свет.

Мне здесь сразу не понравилось. Я не хотел жить. Акушерка хлестала меня ладонью по щекам, приговаривая: ты у меня будешь, ты у меня будешь дышать! Я сдался, закричал от боли и вдохнул воздух этого мира. По пути из утробы мне вывихнули левое нижнее ребро, оно и сейчас несколько выпирает.

Я был четвёртым ребёнком в семье и первым мальчиком. В живых нас осталось трое. Наша старшая сестра, которой успели дать имя Таня, умерла в младенчестве. Там была какая-то тяжёлая история. Вроде того, что папа задерживался в доме культуры, мама его ревновала и бегала в дом культуры с малышкой. Или оставляла её с кем-то. В общем, ребёнок простудился. Маленькая Таня умерла.

Вскоре она получила новое рождение, её снова назвали Таней. Она жила вдали от нас всю свою жизнь, но незадолго до смерти нашего отца она нашла его в пансионате под Сочи и узнала. Она ухаживала за ним, разбитым после инсульта, а когда мы забрали отца из пансионата и отвезли в Шали, Таня поехала вместе с ним. Она была с ним до самого последнего дня, и его последнее дыхание осталось в её руках, нас не было рядом.

Мы с сёстрами долго не понимали, что связывает нашего отца с Таней. Потом сопоставили некоторые даты, обстоятельства и сны и узнали, что это она. Мы сказали об этом Тане, и она согласилась. Хотя, кроме меня, никто не должен был верить в реинкарнацию. Проводив отца, Таня вернулась к себе в Сочи, где она жила странной, неприкаянной жизнью.

УЗИ беременным тогда, наверное, не делали. И пол ребёнка был для родителей сюрпризом. Отец, узнав, что я мальчик, очень обрадовался. Наследник родился! Хотя я до сих пор не понимаю, что я должен был наследовать. Фамилия наша не была аристократической, дворянских титулов у нас не было, не было и состояния. Но люди часто говорят: наследник! Имея в виду ребёнка мужского пола. Хотя наследовать, как правило, нечего. А с наследованием того, что есть, вполне справляются дочери.

После отца остался дом, вернее, половина дома в Шали. Мы жили в длинном коттедже на две семьи. Чтобы упростить процедуру, недвижимость решили оформить на нашу старшую сестру, которая в то время приехала жить в Шали. Я должен был подписать отказ от наследства в её пользу. И я подписал. Хотя помню это тяжёлое чувство — вот, я отказываюсь от наследства своего отца. Я не наследник. Которого он так ждал и которому так радовался. Но я не оправдал.

Род, то есть фамилию, я тоже не продлил. У меня нет наследника, ребёнка мужского пола. У меня две дочери. В общем, я и тут оказался бесполезен.

Когда я родился, папа работал директором совхоза «Джалка». Это был пик его карьеры. Совхоз — огромное хозяйство с полями, фермами, элеватором, комбайнами, грузовиками и прочим. Главное хозяйство села. В нём работали сотни людей, а может, и тысячи. В общем, отец был важным человеком. И водил дружбу с другими важными людьми. Например, его другом был начальник милиции Шалинского района. Празднуя моё рождение,

отец и начальник милиции напился и всю ночь, до утра, катались по совхозу и по селу, стреляя в небо из табельного оружия и иногда по фонарям. И им ничего за это не было.

В селе люди спрашивали друг у друга: что случилось? И друг другу отвечали: у директора совхоза родился сын. В общем, все были рады моему появлению на свет. Кроме меня.

ПАПА

Мой отец родился 4 августа 1938 года в том же селе Шали. Его настоящее имя — Умар-Али (на его надгробии написано по-чеченски «Умар-Али сын Лом-Али», но в паспорте значилось «Умарали», поэтому я Умаралиевич), Борис — его второе имя. У чеченцев, как правило, два имени — настоящее и повседневное, для быта. Почему его второе имя русское — это отдельная история.

Отцом моего отца был чеченец, его звали Лом-Али (но по паспорту просто «Али», поэтому мой отец был Алиевич). А мать — сунженская казачка Антонина, в девичестве Литвинова. Али работал в советской милиции, где-то в Веденском районе. Там он встретил Антонину, которая работала в советской торговле и была очень красивой, эффектной, высокой девушкой. Они полюбили друг друга, женились, и Али привёз жену в Шали. Али потом работал почему-то в районном отделе народного образования и то ли до, то ли после имел небольшие проблемы с законом (и, кажется, немного отсидел, но это не точно).

Прадедушкой моим был Бети. Это его второе имя. Бети был женат на чеченке. Кажется, у них должны были быть другие дети, но я их не знаю. Фамилия Бети была Магомадов. Он сходил на Первую мировую войну в составе Дикой дивизии и вернулся, щеголяя чуть ли не офицерскими погонами, хотя непонятно, как он мог стать офицером. Говорят, что он сам отрубил ухо своему белому коню, чтобы потом рассказывать, как конь потерял ухо во встречном кавалерийском бою. Про Бети вообще рассказывали очень много смешных историй. К старости он стал известен как знахарь. Лечил народными методами от паралича и бесплодия. Однажды он вылечил человека от паралича, ворвавшись к нему в комнату весь измазанный сажей с воплями «пожар! горим!».

Человек вскочил с кровати и выпрыгнул в окно. А женщин он лечил от бесплодия одному ему известным способом, но дети, которые появлялись после успешного лечения, все были похожи на него. В общем, Бети был легендарной личностью.

Али не мог поступить на рабфак с его фамилией, потому что было известно, что Бети Магомадов — царский офицер. И Али сменил фамилию, стал Садулаевым, потому что первое имя Бети (по паспорту) было Садула. Вот почти всё, что я знаю о своих предках со стороны отца. У меня есть, конечно, фамильное древо, выписанное стариками на несколько поколений в прошлое, но имена моих праотцов мне ничего не говорят. Меня, кстати, старики в это древо так и не вписали. Хотя вписали моих двоюродных братьев.

У Али и Антонины родилось трое сыновей. Мой отец был старшим. Вторым был Турпал, третьим Им-Али. Третий сын остался бездетным, а вот у второго родилось два сына, Руслан и Рустам, которых старики и вписали в фамильное древо. Они должны продолжить фамилию Садулаевых и пока справляются, у обоих есть дети мужского пола.

В общем, Али и Антонина и трое их детей жили в Шали, когда началась Великая Отечественная война. Чеченцев в Советскую армию не призывали. Но из добровольцев был сформирован чеченский полк. У этого полка печальная история, его плохо организовали, плохо снабжали. Даже питаться было нечем. Добровольцы питались тем, что присылали родственники. Кто-то сбежал обратно домой, дезертировал. Полк отправили под Сталинград. Там тоже всё пошло не так, как надо, но никакого массового перехода на сторону врага и дезертирства не было, как позже выяснили историки. Проблемы были с плохой организацией и неумелым командованием.

Али в добровольцы не пошёл, оставался с женой и маленькими детьми. Может, Бети пошёл бы, но он был уже старый, ветеран Первой мировой. А в 1944 году было проведено выселение по этническому признаку, операция «Чечевица». Почему операцию назвали «Чечевица»? По созвучию с «чеченцы»? Не знаю. Бети, Али и всем чеченцам было указано собрать немного

вещей и отбыть поездами в Казахстан и Сибирь. Антонина могла остаться, потому что была русская, и могла оставить детей.

Говорят, что бабушка хотела уехать с мужем, но тот отговорил её, потому что дети были очень маленькие и могли не пережить дороги. Отцу было 5 лет, его младшим братьям ещё меньше. Али был уверен, что это какая-то ошибка, и уж его-то скоро вернут домой, потому что он был вовсе не гитлеровский коллаборационист, а лояльный советской власти советский служащий. Вообще, сложно было быть гитлеровским коллаборационистом, когда немецкие войска даже не заходили в Чечню. Были какие-то шайки бандитов, которые скрывались в горах и боролись с советской властью. Но в целом чеченский народ не был настроен против Советов, тем более никто не ждал Гитлера. Зачем понадобилось выселять всех чеченцев, да ещё и в 1944 году, когда фронт ушёл далеко от Северного Кавказа, до сих пор никто не понимает, и я не понимаю. Это было решение Сталина, которое сейчас выглядит странно, но в ту эпоху оно было по-своему логичным: целые народы тасовались туда и сюда, перемещались, осваивали новые для себя места. Для чеченцев выселение стало великой трагедией. Операцию «Чечевица» провели 23 февраля, поэтому чеченцы в эту дату отмечают не день армии или мужской праздник (с подарками в виде носков и пены для бритья, как это принято во всей остальной России), а годовщину трагедии. В пути и на новых необжитых местах много чеченцев умерло. Но, сорвав народ с родной земли, советская власть как бы открыла для него новый мир, заставила повзрослеть, выкинула из архаики в модерн. В общем, это сложная тема.

Антонина с детьми осталась жить в своём доме. А соседние дома, оставленные чеченцами, занимали русские. Я не знаю, кто были эти русские, откуда они взялись и куда потом делись. Чечено-Ингушскую автономную область упразднили, на её месте создали Грозненскую область, а село Шали переименовали в Междуречье. Потому что оно находится между реками Джалка и Басс. Хотя я до сих пор подозреваю, что это одна и та же река.

Дети Антонины говорили по-чеченски. Они ведь росли сначала с чеченцами. Но теперь вокруг были одни русские. Од-

нажды мой маленький папа лопотал что-то на чеченском языке, а находившийся рядом русский, вроде бы даже солдат, накричал на него и очень испугал ребёнка. И папа забыл чеченский язык. И потом, когда чеченцы вернулись, так и не выучил его основательно. Им-Али тоже плохо знал чеченский язык. А вот Турпал хорошо говорил по-чеченски. Папу русские стали называть Борисом, Им-Али — Емелей, а Турпала никак не стали переименовывать.

Тем временем чеченцев не возвращали. Даже советских служащих. Они обживались на новых местах, в степях Казахстана и Южной Сибири. Антонина однажды смогла съездить к мужу, чтобы узнать, нельзя ли переехать к нему. Но просто съездила и вернулась. А через время узнала, что Али там нашёл себе новую жену, чеченку. Тогда Антонина тоже вышла замуж, за аварца. Она говорила, что в хозяйстве нужен мужчина. И чтобы было кому защищать детей, её сыновей. У аварца тоже были дети от прошлой жены. Так они стали жить вместе. А вскоре общие дети появились и у аварца с Антониной. Ну и у Али с его новой женой тоже были свои дети.

Поэтому среди моих дядьёв и тёть есть все виды родственных отношений. Есть полнородные братья — мой отец, Турпал и Емеля. Есть единокровные — дети дедушки от другой жены. Есть единоутробные — дети бабушки от другого мужа. Есть сводные — дети нового мужа бабушки от его прошлой жены. А сколько их всего, я не знаю. Всё время всех путаю.

Мой папа вырос среди русских переселенцев. А в 1957 году Чечено-Ингушскую АССР восстановили и чеченцам разрешили вернуться. Отцу было 19 лет. Он плохо помнил своего отца, но очень ждал его возвращения. Он много думал о том, что ему скажет, как они обнимут друг друга. Когда они встретились на вокзале, его отец обошёл с ним очень холодно. Потом папа понял, что у чеченцев не принято на людях быть нежными с детьми, тем более со взрослыми детьми. Но эту холодность он так ему и не простил.

Папа работал трактористом, ездил поднимать целину, вступил в коммунистическую партию и стал секретарём парткома,

выучился в институте заочно на агронома, стал директором совхоза. Потом его перевели в район, главным агрономом. По его работе в совхозе открыли уголовное дело. Сначала вменяли хищение социалистической собственности, потом переквалифицировали на халатность. Отец отсидел полгода под следствием в грозненской тюрьме и был освобождён в зале суда. Из партии его исключили и так и не восстановили, хотя он много раз подавал заявления.

Дело на него было сфабриковано. Отец говорил, что, конечно, будучи директором совхоза, он нарушал закон и брал деньги, в том числе потому, что надо было отдавать наверх, такой был порядок. Но конкретно в том, в чём его обвиняли, он виновен не был. Однажды он отказался сотрудничать с КГБ и прогнал из своего кабинета службиста, который пыгался его завербовать. И с тех пор его карьера пошла под откос.

После тюрьмы он смог устроиться на работу агрономом на сахарный завод в Аргуне, потом работал в райагропроме, а последним местом службы был комитет охраны природы. Денег не хватало и отец занимался подсобным хозяйством, мы разводили нутрий. Продавали живьём и забивали на шкуры и мясо. У нас было до ста голов этих несчастных животных. Позже папе часто снился сон, как он убивает нутрий. Надо было держать их вниз головой за толстый хвост и дубинкой бить по черепу. Они кричали. Это были ужасные сны.

Когда Чечня стала независимой, отца отправили в отставку, в основном за его пророссийские настроения. С тех пор он был пенсионером. Прожил в Чечне две войны. Иногда уезжал в Новороссийск к своей старшей дочери, потом возвращался, вместе с мамой. В 2000 году его жена, моя мать, умерла. Через несколько лет отец женился на чеченке в Шали, но прожили вместе они недолго.

После первого инсульта он жил со мной в Петербурге. Я снимал ему квартиру, приходил ухаживать за ним. Он мечтал поехать на море, и мы нашли ему пансионат рядом с Сочи, реклама обещала золотые горы, мы не думали, что это обычный дом престарелых. В реальности всё оказалось не так, как в ре-

кламе. Я до сих пор виню себя в том, что мы отдали отца в дом престарелых. Там отец упал и сломал шейку бедра. После этого старики обычно скоро умирают. Судьба была в том, однако, что там работала Таня, и она стала ухаживать за отцом. Мы забрали отца и отвезли домой, в Шали. Он умер в своём доме, на своей постели. Не в больнице и не в доме престарелых. Незадолго до смерти я с ним ругался по телефону, вернее, ругал его по каким-то дурацким вопросам. А он уже плохо понимал, что происходит вокруг. Этого я себе тоже не прощу и не забуду. Когда он умер, его быстро омыли и похоронили по обычаям нашего вирда — суфийского клана. На поминки я не поехал.

Отец был высокий, но сутулый. В юности он был очень худым. В семейном альбоме есть его фотографии, он в плавках, очень худой и нескладный. Он был худой от недоедания, питались тогда плохо. Он всю жизнь очень любил белый пшеничный хлеб. В детстве он мало ел хлеба, в досталь был только кукурузный чурек. Потом он наелся, располнел. У отца были правильные черты лица. Он был довольно красивым. Я не пошёл в него лицом, мой нос картошкой и толстые губы такие, как у мужчин в роду моей матери. Но сутулостью да, у отца. И с годами я становлюсь всё больше на него похожим.

У меня были разные отношения с отцом. И сложные тоже. Но я всегда любил его. И до сих пор люблю. Он был и остаётся одним из самых важных людей в моей жизни. Может быть, самым важным. Он много работал, служил своей семье. Жил ради нас. Ради нас он выращивал и забивал нутрий, этих странных зверьков. Бил их дубинкой по черепу. И видел кошмарные сны. Чтобы нам было что есть и во что одеваться. Я такой же, как он. Я и есть он, с тех пор как его не стало.

Отец всегда серьёзно относился к моим занятиям литературой. Когда я увлекался бизнесом, политикой, журналистикой, он просил меня: пиши книги. Не оставляй это. Ему довелось застать меня в роли телеведущего, он очень радовался за меня. Но он не дожил до 2021 года, когда я получил премию «Ясная поляна», самую лучшую литературную премию России. Я думаю, он был бы счастлив.

ТЕГЕРАН

7 мая 2024 года я должен был лететь в Тегеран. В Иране проводилась книжная выставка, и меня почему-то решили включить в состав российской делегации. Раньше такие приглашения были частыми, я участвовал в книжных выставках в Париже, Нью-Йорке, Хельсинки и даже Алжире, но уже много лет меня никуда не приглашали. На западные выставки Россия, похоже, перестала летать, а на Кубу, в Китай или Индию меня не звали. Заодно я узнал, что моя старая книжка «Я — чеченец!» вышла в Иране в переводе на фарси. Интересно, откуда они взяли рукопись и с кем вели переговоры о правах? После уничтожения издательства «Ультра. Культура» права никуда не передавались, да они всё равно бы вышли по сроку, а со мной никто о переводе на фарси не разговаривал. Ну выпустили и выпустили, слава Аллаху.

Поездку (или правильно говорить полётку? мы ведь полетим на самолётах) организовывали Российский Книжный Союз (РКС) и Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР). Меня пригласили по линии АСПИР. Может быть, потому что в АСПИР меня любили — я был членом творческого совета этой организации, лично знаком и в приятельских отношениях с её руководителем Сергеем Шаргуновым и своё пятидесятилетие отмечал в стенах АСПИР, в особняке, известном как «Дом Ростовых» (АСПИР вскоре упразднили). Речь об известном семействе из романа Льва Толстого «Война и мир».

Никакого энтузиазма я по поводу поездки не испытывал.

Мне предстояло проснуться около 3 часов утра, чтобы в 4 часа на такси отправиться в аэропорт. В Пулково я должен был быть в районе 4.40. Мой рейс до Москвы был в 5.50. Мне ещё не сразу купили этот билет. Сначала мне прислали

билет только из Москвы в Тегеран. Менеджеры, закупавшие билеты, сказали, что у них «не было информации» о том, что я живу в Санкт-Петербурге. Видимо, они полагают, что все люди, если не доказано обратное, по умолчанию живут в Москве. Хотя я заполнял анкету, в которой указывал своё место жительства.

В Москву, в аэропорт Шереметьево, я должен был прилететь в 7.15. Там мне предстояло получить багаж, перейти в другой терминал и сесть на рейс до Тегерана, вылетающий в 11.50. И провести в небе 5 часов, прежде чем мы приземлимся в Тегеране. Там нас должен был встречать трансфер, чтобы отвезти в отель «Гранд Тегеран», где на моё имя был забронирован номер до 12 мая. А 12 мая нужно было повторить всё в обратном порядке — трансфер до аэропорта, полёт до Москвы, переход на другой терминал, полёт до Санкт-Петербурга, такси до дома.

Большая аскеза и куча беспокойств. А ради чего?

Я уже давно не люблю никакие путешествия. В них нет никакого смысла. Ты едешь, летишь, страдаешь в дороге, но что ты увидишь в месте назначения? Камни. Везде одни и те же камни. Так сказал какой-то восточный мистик, поэт или путешественник. У меня в романе «Иван Ауслендер» есть глава «О вреде путешествий». Там я пишу, что настоящий ведантист должен сжечь свой загранпаспорт.

Ни в каких путешествиях давно нет никакой радости. Мне нравится сидеть на диване, пить чай и читать Мишеля Уэльбека. Он такой же пессимист и мизантроп, как и я, мне с ним комфортно.

Иногда мне кажется, что Мишель Уэльбек — единственный человек, который меня понимает. И, может быть, я — единственный человек, который понимает Мишеля Уэльбека.

Я должен был уехать и очень волновался за свою кошку. Я попросил знакомую заходить к ней каждый день, насыпать корм, наливать воду и чистить лоток. С едой и водой у кошки проблем не будет. Но она очень скучала и не люби-